

Вячеслав Огрызко

РЕШАЮТ КАДРЫ

Тов. Суслов М. А. на Дону и Северном Кавказе

При уходе из Комиссии советского контроля Суслов получил справку: «Тов. Суслов М. А. работал в Комиссии Советского Контроля при СНК СССР в должности контролёра с окладом 650 руб. в месяц с 24 апр. 1931 г. по 13 августа 1936 г. Уволен с работы вследствие перехода на учёбу в ИКП». Подписал документ председатель КСК Николай Антипов.

Позже стало ясно, что Суслов поступил весьма дальновидно. Во-первых, уже в сентябре 1936 года Политбюро упразднило заграничную инспекцию КСК, с которой Суслов был тесно связан. Потом власть взялась за многих ответственных сотрудников аппарата КСК, с кем Суслову нередко приходилось иметь по работе разные дела. Ошвинцев, Назаретян и Гиндин были объявлены вражескими агентами. Сулковскому не простили то, что его отец когда-то служил полицейским приставом в бывшей Ковенской губернии. Карпову вменили в вину исполнение поручений Рудзутака по закупке оружия...

Уцелели лишь единицы. Но Ройзенман в силу тяжёлой болезни уже мало на что влиял. Из знающих Суслова по КСК продолжал сохранять свои позиции, пожалуй, один Сергей Крылов. К слову, Суслов поддерживал потом с ним отношения целые десятилетия (в фондах РГАНИ я нашёл несколько записных книжек Суслова разных лет с адресами и телефонами С. А. Крылова; в одной был указан адрес: Сивцев Вражек, дом 15/25, в другом – ул. Серафимовича, дом 2, подъезд 4).

Как протекала учёба Суслова в Институте красной профессуры, об этом известно очень мало. В архивах пока удалось отыскать только несколько конспектов Суслова. В конце 1936 – начале 1937 года Суслов для себя законспектировал, в частности,

лекции А. Кона «Первоначальное капиталистическое накопление», Д. Розенберга о Давиде Риккардо, Л. Гатовского, Мендельсона, доклады молодого философа Ф. Константинова и ещё нескольких других преподавателей.

Также сохранилась зачётка. Как выяснилось, все зачёты при переходе со второго курса на третий Суслов сдал прекрасно. По политэкономии, истории политэкономии и немецкому языку он получил оценки «отлично». Удостоверил эти отметки директор института Николай Константинов.

Кроме того, нашлась одна характеристика. Приведу её текст: «СУСЛОВ М. А., член ВКП(б) с 1921 года, партбилет № 1219627. В парторганизации Экономического института красной профессуры состоит с сентября 1936 г. В работе организации принимает активное участие, член парткома. Дисциплинирован. Политических ошибок не имел. Партвзысканий не имеет. Для преподавательской работы подготовлен». Подписал эту характеристику секретарь парткома института Панов.

Как я выяснил, заместитель директора экономического факультета института Красной профессуры Губарева предполагала на следующий учебный год прикрепить Сусллова для педагогической работы к Высшей школе пропагандистов.

Но заняться преподаванием Михаилу Суслову было не суждено. Борис Ройзенман, хоть и тяжело болел, но успел передать своего бывшего сотрудника другим коллегам по партийной разведке. Я так понимаю, что в Экономическом институте красной профессуры его негласно опекали люди из окружения Сталина и прежде всего бывший однокурсник Лев Мехлис и Борис Двинский. Видимо, они-то во многом и изменили судьбу Сусллова.

Роль Мехлиса, которого у нас давно рисуют в основном только палачом, в продвижении Сусллова пока не совсем прояснена. Больше материалов удалось выявить об участии Двинского.

В отличие от большинства других высокопоставленных сотрудников партаппарата Двинский не принадлежал к профессиональным революционерам, не комиссарил и не служил в карательных органах. Он был одним из немногих, кто успел до октябрьского переворота получить классическое образование на историко-филологическом факультете Московского

университета. Большую часть гражданской войны Двинский провёл в школах подмосковного Талдома. А в партию его приняли лишь в 1920 году, когда ему стукнуло уже двадцать шесть лет.

Толчок карьере Двинского дало, видимо, редакторство одной из тверских газет. Он попал кому-то на заметку и осенью 1925 года был вытасчен в Москву, в подотдел местной информации ЦК, откуда его через три года забрали в личный секретариат Сталина.

Похоже, вождь Двинскому очень доверял. Иначе б он не продержал его возле себя почти целое десятилетие, а потом не бросил бы на очень сложный регион – Дон. Правда, чем конкретно занимался Двинский у Сталина, до сих пор точно не известно. По одной из версий, он в том числе подбирал кадры для неофициальной партийной разведки. Кроме того, через него Сталин, видимо, осуществлял связь со своими личными агентами в различных органах власти.

Тут что ещё надо бы отметить. С конца 20-х и вплоть до середины 30-х годов Двинский в качестве одного из помощников Сталина работал в плотной связке с другими людьми из круга вождя, в частности, с Львом Мехлисом и Александром Поскрёбышевым. По сути, именно эта троица с подачи Ройзенмана взяла Сулова в тщательную разработку. В какой-то момент о нём было доложено непосредственно Сталину. А дальше в дело вступил Андрей Андреев.

На мой взгляд, фигура этого человека до сих пор недооценивается. О нём продолжают писать как о серой личности, которая якобы мало на что влияла. Однако есть немало данных, которые позволяют делать вывод о том, что именно Андреев являлся в конце 20-х – начале 30-х годов прошлого столетия одним из создателей и неформальным руководителем личной разведки Сталина.

Вспомним, кто в 1930–1931 годах руководил контрольными органами партии и правительства и был, по сути, глазами и ушами Сталина в партийном и советском аппаратах. Не Андреев ли?! И никого не должно вводить в заблуждение нахождение Андреева в некой тени после 1931 года – вплоть до 1935 года. Руководство транспортом блёклым теням ни в одной стране мира не доверялось.

Пик могущества Андреева, по моему мнению, пришёлся на середину и конец 30-х годов. Именно к нему весной 1935 года отошли от Лазаря Кагановича функции второго в партии – после Сталина – человека. Как я понимаю, вплоть до начала 40-х годов это он рекомендовал вождю руководителей ключевых регионов страны. Прочитайте мемуары бывшего первого секретаря Сталинградского обкома партии Алексея Чуюнова. Там всё по полочкам разложено. Чуюнов подробно рассказал, как Кремль готовил руководящие кадры после массовых репрессий. Способных людей отыскивали на заводах и в институтах и сразу выдвигали на работу в аппарат ЦК. Там в течение нескольких месяцев к ним присматривался заведомо руководящих партработников Георгий Маленков. А потом своё мнение должен был высказать секретарь ЦК Андрей Андреев. Он мог поддержать выбор Маленкова, а мог и отвергнуть. Важно то, что Сталин перед войной очень прислушивался к кадровым рекомендациям Андреева.

Именно по этой схеме происходило выдвижение самого Алексея Чуюнова (он за три года скакнул из инженеров-механиков одного из московских трестов через аппарат ЦК в кресло первого секретаря Сталинградского обкома). По такой же схеме в конце 30-х годов оказался руководителем Белоруссии и Пантелеймон Пономаренко.

Через подобную схему предстояло пройти и Суслову. Но не всё оказалось так просто. В случае с Сусловым были внесены некоторые коррективы.

По ряду косвенных признаков Двинский и Андреев какое-то время рассматривали кандидатуру Суслова для работы или в личном секретариате Сталина, или в отделе руководящих партработников ЦК. Но для начала ему хотели дать возможность доучиться в Экономическом институте красной профессуры. Но всё изменила резко усложнившаяся ситуация на Дону. Впрочем, обо всём по порядку.

Москву уже давно тревожило положение дел на юге страны и особенно на Дону. Руководитель Азово-Черноморского края Борис Шеболдаев довёл регион, что называется, до ручки. Он затравил весь край. С ним надо было что-то делать.

Сталин поручил этим заняться Андрееву. И не только потому, что Андреев на тот момент отвечал в руководстве партии за партийные кадры. Когда-то Андреев сам руководил Северным Кавказом.

В начале января 1937 года Андреев выехал в Ростов и организовал смещение Шеболдаева (всесильному хозяину Дона пообещали перевод в Курск). На освободившуюся должность эмиссар Сталина порекомендовал чекиста Ефима Евдокимова. Но новый руководитель не уловил веяний времени. Он продолжил политику предшественника по закручиванию гаек и вселению в народ страха.

Буквально через несколько месяцев после своего избрания Евдокимов поставил перед Сталиным вопрос о новых масштабных арестах в Ростове. Под каток репрессий попали бывший второй секретарь крайкома партии Малинов, глава крайисполкома Ларин и другие номенклатурные работники. По сути, на регион была накинута новая удавка.

Когда Андреев понял, что новый хозяин региона оказался ничем не лучше старого, он предпринял новый манёвр. Сославшись на чрезмерные размеры территории – Азово-Черноморский край включал в себя 144 района, он в сентябре 1937 года инициировал разукрупнение региона и образование двух новых субъектов – Краснодарского края и Ростовской области. Эта административная реформа соответственно потребовала формирования новых кадровых команд.

Поначалу Андреев не собирался убирать Евдокимова. Он придумал другой ход: обложить хозяина Дона проверенными кадрами, которые должны были заставить руководителя региона поумерить пыл и резко снизить обороты в репрессивной политике. Реализовать эту задачу, видимо, должен был как раз Сулов.

В начале октября 1937 года Сулов получил вызов в отдел руководящих парторганов ЦК, видимо, к Георгию Маленкову. Ему объяснили, что дальнейшую учёбу, вероятно, придётся прервать и заняться практикой. По некоторым косвенным данным, он рассматривался на должности или одного из заместителей Маленкова, который должен был стать куратором Северного Кавказа, или инструктора ЦК, которому предстояло через

два-три месяца пересесть в кресло руководителя Ростовского обкома партии. Тогда же Суслов получил и первое задание: обеспечить проведение выборов первого состава Ростовского обкома партии. Другими словами, он должен был организовать выборы нужных Центру людей, через которых Москва могла бы влиять на Евдокимова.

Однако в Ростове всю подготовку к партконференции взял на себя последний второй секретарь Азово-Черноморского крайкома Семякин. Возможно, Евдокимов рассчитывал с его помощью сохранить свою старую команду. Тем более что Семякин находился у него на крючке. Ему было известно, что Семякин три месяца давал в своей квартире приют жене троцкиста Милославского, а в радиокомитете поддерживал нескольких сотрудников, которые по данным чекистов в своё время были связаны с белогвардейцами.

Но Евдокимов не учёл одного. Москва тоже располагала компроматом на Семякина. А не отстраняла она его от работы только потому, что ещё не успела проверить все порочившие партаппаратчика сведения. На время же проверки Центр решил подстраховаться и приставить к Семякину своего человека, то есть Суслова.

Назначение Суслова Москва оформила решением Политбюро. 31 октября 1937 было принято постановление:

«Утвердить заведующим отделом руководящих парторганов Ростовского обкома ВКП(б) тов. Суслова М. А.»

Занимавший эту должность до Суслова Абрам Шацкий получил кресло заместителя председателя облисполкома. Ну а Семякин формально стал куратором московского назначенца.

Дальше события развивались очень стремительно. В Москву поступили новые материалы о Семякине. 3 ноября 1937 года Лев Мехлис доложил о них секретарям ЦК Сталину и Андрееву и наркому внутренних дел Ежову.

Видимо, на основе этих материалов Политбюро 9 ноября 1937 года постановило отозвать Семякина в распоряжение ЦК, а на освободившееся место утвердило другого московского эмиссара – Двинского, до этого работавшего в секретариате самого Сталина. А ещё через четыре дня последовал арест Семякина.

«13 ноября 1937 года, – рассказывал бывший сотрудник УНКВД по Ростовской области Маркович, – в Ростов приехала бригада оперативных работников наркомата <внутренних дел> во главе с бывшим начальником 4 отдела Наркомата Литвиным. Литвин объявил, что приехал в УНКД вскрыть причины срыва выдачи зарплаты рабочим к Октябрьским торжествам, а равно и срыв снабжения города продуктами. В первую же ночь были арестованы бывший второй секретарь обкома ВКП(б) Семякин, зав ОРППО обкома Шацкий, завотделом школ обкома Шестова, начальник облвн-торга Леонов и зав.городской конторой Котляренко. Первых трёх арестовали на основании показаний, полученных в Москве, хотя я этих показаний не видел. Арест Леонова был произведён, насколько мне помнится, по показаниям, имеющимся у нас в отделе. Всех этих арестованных допрашивала сама бригада, не привлекая никого из работников 4 отдела, за исключением Кондратьева. Если до этого я слышал, что арестованных бьют в Москве во время допроса, чему я мало верил, в день приезда бригады Литвина и допроса этих пяти арестованных я убедился, что в Москве действительно практикуется избиение арестованных, ибо все четыре, за исключением Шестовой, подвергались жестокому избиению» (цитирую по книге: Весельницкий. «Красное колесо» переехало и через «Ростсельмаш». 1999).

Но Маркович не всё сообщил, а кое-что перепутал. Во-первых, 11 ноября чекисты взяли в Москве руководителя группы Комиссии партконтроля при ЦК по Ростову Сурена Шадунца. Во-вторых, Шацкий был взят позже. А Семякин на третий день после ареста, прямо во время допроса, скончался.

Судя по всему, кто-то хотел от Семякина перебросить мостик к Сулову. Говорили, будто инициативу проявили друзья Евдокимова из руководства НКВД. Мол, Сулов не только проморгал врага народа, но ещё и навязывал его создававшемуся обкому партии. Московскому эмиссару явно грозил арест.

Спустя много десятилетий слухи о той истории дошли до родни Сулова.

«В 1937 г., – писал в «нулевые» годы его зять Леонид Сумароков, – назревало «дело» Сулова. Его чуть не арестовали. Суть «дела» заключалась в том, что его тогда направили

в качестве представителя центра проводить выборы руководства партийной организации Ростовской области. Через три дня вновь избранного первого секретаря обкома арестовали, как «врага народа». Немедленно нашлись высокопоставленные деятели, которые обвинили Суслова в том, что он содействовал проникновению враждебных кадров во власть. По словам Суслова (редкий случай, когда он сам рассказывал об этом семье), дело приняло очень серьёзный оборот. Суслов построил свою защиту против обвинителей так: вы, несомненно, имели информацию о кандидатуре ещё до выборов. Как же могли допустить, чтобы выборы состоялись, не информировав об этом меня, представителя центра? Получается, что это не моя, а ваша вина, а вы компрометировали установку партии! Доводы сочли вполне убедительными, и «дело» против Суслова было закрыто. Деталей не знаю, но вроде бы помогли тогдашний помощник Сталина, кажется, Двинский (которому, говорят, Сталин очень доверял; признаю, имя это я пытался разыскать, но так нигде и не встречал) и лично сам Сталин».

Правда, Сумароков кое-что перепутал. Первым секретарём только что образованного Ростовского обкома ВКП(б) был избран, как и планировалось, профессиональный чекист Евдокимов. Осечка вышла со вторым секретарём обкома – Семякиным. Но он прав оказался в другом: от возможного ареста его тестя действительно спас Двинский, который на тот момент пользовался безграничным доверием самого Сталина. Двинский, напомним, 9 ноября заменил Семякина на посту второго секретаря Ростовского обкома ВКП(б).

Но на этом проблемы у Суслова не закончились. Ведь одновременно с раскруткой дела Семякина под него начали копать и в Москве. В личном деле Суслова, хранящемся в РГАНИ, отложилась копия письма и. о. секретаря парткома Экономического института красной профессуры И. Чистякова в Отдел руководящих парторганов ЦК. 9 ноября 1937 года – в день освобождения Семякина от должности второго секретаря Ростовского обкома – бдительный партфункционер доложил, что в главной кузнице партийных кадров парторганизацию возглавил враг народа. А кто этому врагу помогал? В том числе Суслов.

Чистяков писал:

«Партийный комитет Экономического института красной профессуры сообщает, что общее партсобрание, в связи с разоблачением ряда врагов народа (Сидорова, Великова, Гоценко) записало в своём постановлении о притуплении партийной бдительности со стороны Сулова, работающего в качестве зав. ОРПО Ростовского обкома ВКП(б), Муханова, работающего в гор. Саратове в пед. институте, Кокуркина, работающего в Куйбышевском Облплане и Самохвалова.

Указанные товарищи, состоя членами партийного комитета последнего созыва, не проявили необходимой партийной бдительности в деле разоблачения врагов народа и политической настороженности в момент выборов секретаря Партийного комитета Гоценко, а также и при выдвижении его на ответственную партийную работу в ЦК ВКП(б)»

К этому надо добавить, что Сулов, несмотря на состоявшийся переезд в Ростов, продолжал числиться слушателем института (официально его отчислили лишь 15 ноября 1937 года).

По косвенным данным, Чистяков вспомнил о совместной работе в парткоме института Сулова с арестованным Гоценко не по собственной воле, а по указанию людей из аппарата отдела руководящих парторганов ЦК, которым руководил Маленков. Но зачем это понадобилось Маленкову? И кто не дал хода этому доносу? Двинский? Но он уже не работал в Москве, а находился в Ростове. Есть версия, что команду отстать от Сулова дал секретарь ЦК Андреев.

Андреев в очередной раз прибыл в Ростов с инспекцией почти сразу после ареста Семякина. С собой он привёз из Москвы в помощь Двинскому и Сулову Дмитрия Крупина, который стал третьим секретарём Ростовского обкома.

15 ноября 1937 года Андреев направил в Москву Сталину шифровку, в которой признался, что положение на Дону аховое как с парработой, так и с хозяйством.

«У Евдокимова, – доложил Андреев вождю, – настроение невольно мрачное. Двинский берётся за работу хорошо».

Видимо, Евдокимов почувствовал, что Двинский вскоре его заменит и станет первым секретарём.

22 ноября по требованию Андреева в Ростове состоялся пленум обкома. Вопрос был один: положение в парторганизации

области. Евдокимова обяжали выступить с докладом. Но главную речь на пленуме произнёс не он, а Андреев.

Кстати, Андреев запретил сотрудникам местного аппарата стенографировать его выступление. Ослушался указания московского гостя только один человек – второй секретарь обкома Двинский. Уже один этот факт говорил о том, с какими полномочиями появился в Ростове этот московский эмиссар и какая поддержка у него имелась в верхах (в отличие от Евдокимова, пока ещё продолжавшего оставаться первым секретарём обкома).

Речь Андреева состояла из трёх блоков. В первом блоке он отметил очевидные вещи и известные факты. Все и без него знали об огромных очередях в Ростове за продуктами и промтоварами, о задержках зарплаты на крупных предприятиях города и об отмене пригородных поездов. Но кому было исправлять ситуацию?

«Из нового состава бюро <обкома>, – напомнил Андреев, – разоблачено две трети бюро и половина кандидатов. Врагу второй раз удалось довольно серьёзно пробраться на руководящие посты. В первый раз – шеболдаевская банда, во второй раз – Шацкий, Семякин, Кравцов».

Андреев констатировал, что Шацкий и Семякин во многом дезорганизовали партработу на Дону. В регионе, по его мнению, создалась обстановка безответственности за клевету врагов на членов партии. Многие исключённые из ВКП(б) честные труженики поняли, что жаловаться бесполезно. Кстати, в обкоме накопилось пять тысяч нерассмотренных апелляций. При этом все в обкоме знали, что Шацкий рядом со своим кабинетом имел комнату для ареста недовольных.

Отсюда следовало обвинение уже в адрес Евдокимова. Андреев заявил, что он неправильно подбирал кадры. Однако вопрос о его снятии ещё не стоял. Андреев предложил другое: усилить вербовку рабочих в партию, расчистить Дон от ещё не разоблачённых врагов, окончательно ликвидировать вредительство на производстве и прежде всего на Сельмаше и на таганрогском заводе, прекратить травлю честных людей и вести правильный подбор кадров.

И кто должен был выполнять эти задачи? Похоже, на Евдокимова Андреев уже сильно не рассчитывал. Наводить порядок,

видимо, должны были московские назначенцы: второй секретарь обкома Двинский, третий секретарь Крупин и заотделом руководящих парторганов Суслов.

К слову. Осенью 2020 года я поинтересовался у сына Михаила Суслова – Революя Михайловича, а как преподносился перевод отца в Ростов в их семье, какую роль в этом сыграли Двинский и Андреев? Но Революй Михайлович заявил, что у них в семье всегда были уверены, что судьбу отца осенью 1937 года определил лично Сталин и никто более. Как он слышал, однажды Сталин вызвал отца к себе и сказал, что хватит учиться, пора работать, и послал его на Дон. По его словам, Сталин отлично знал очень многих людей, входивших в номенклатуру ЦК, и часто сам лично распоряжался их судьбами. Вождю давно, по утверждению Революя Михайловича, был известен и Суслов. Якобы отец уже несколько лет находился на заметке у вождя. А с Двинским, как полагал Революй Михайлович, отец познакомился уже в Ростове.

Но так ли это? Верно одно: в большинстве случаев окончательные решения принимал лично Сталин. Но на основе чего? Только собственных наблюдений? Или кто-то для него собирал информацию и кто-то давал свои советы?

Когда Суслова назначили на Дон, вслед за ним в Ростов сразу собралась и его жена. Как рассказывал Революй Михайлович, мать ни дня не сидела без работы. Прибыв в Ростов, она тут же устроилась в клинику Богораза, где стала специализироваться на операциях для детей с волчьей пастью. А поселилась семья Сусловых на улице Фридриха Энгельса, в доме 132, в пятой квартире.

Итак: в Ростове перед Сусловым были поставлены две задачи. Во-первых, он, как заведующий отделом руководящих парторганов обкома, должен был остановить масштабные репрессии и организовать пересмотр многих дел по массовому исключению людей из партии. И, во-вторых, ему предстояло в короткий срок подобрать новые кадры для районных и областных управленческих звеньев.

Времени на раскачку у Суслова не оказалось. Куда бы он ни сунулся, везде царили бардак и произвол. Возьмём Сталинский район Ростова. В 1937 году там исключили из партии

218 человек. Но потом выяснилось, что 76 человек выгнали ошибочно. И кто в этом был виноват? Суслов полагал, что львиная доля ответственности за произвол лежала на бывших руководящих работниках региона.

Выступая в начале февраля 1938 года на пленуме Сталинского райкома партии он заявил:

«Решения Пленума ЦК подчёркивают, что в 1937 году партия провела огромную очистительную работу, разоблачила целые гнёзда бандитов, врагов, замаскировавшихся в различные формы, иногда неожиданные, но и что и в этой огромной работе, проведённой партией, многие партийные организации допустили огромнейшие ошибки и извращения, идущие по линии бездушного, бюрократического, иногда преступного отношения к исключению из партии, отношения к отдельным членам партии. В решении ЦК сказано, что в Ростовской организации к этому делу приложили вражескую руку подлые мерзавцы Семякины, Шацкие и Шестовы. А в Сталинской районной партийной организации приложил вражескую руку подлый мерзавец, отъявленный враг Карпенко. Сейчас есть показания этого врага, теперь он развязал язык и заговорил о вражеско-вредительской работе, именно прежде всего по этой линии».

Это не значило, что все чистки партийных рядов и управленческих кадров на Дону прекратились и никаких врагов больше не существовало. Изменились подходы к чисткам, сменились масштабы репрессий, но сама карательная политика никуда не исчезла. Только если раньше спецслужбы хватали чуть ли не всех подряд, теперь дела заводились выборочно и главный огонь сосредоточивался по тем, кто раскручивал массовые гонения.

2 мая 1938 года Двинский по телефону передал для Сталина:

«Должен сообщить, что дела у нас внушают мне большую тревогу.

За последнее время выявлен, как враги, нач. ОблЗО, председатель Ростовского Горсовета, зав. ОРПО Ростовского Горкома и многие другие. Значительная часть секретарей райкомов проходит по показаниям. Вызывает сомнение один из членов

бюро обкома – зам. пред. облисполкома Зуев, сейчас временно исполняющий обязанности нач. облЗО.

Нач. управления НКВД сообщил мне, что нынешний зав. с/х отделом обкома Магничкин является участником к.-р. организации. Этот Магничкин был долголетним личным помощником Евдокимова, пользуется у него полным доверием. Это значит, что кроме всех прочих пакостей, он мог предупреждать ряд людей об имеющихся на них сведениях и подбирать кадры. Разоблачение Магничкина окончательно подрвёт доверие в партийной организации к Евдокимову.

Нет у меня доверия, на основе ряда фактов, к зав. Особым Сектором обкома, также долголетнему сотруднику Евдокимова. Этого я уберу пока что на другую работу.

Но в отношении Магничкина нужно тщательно посмотреть, и здесь, по-моему, без Вашей помощи не обойтись, так как разоблачение этого человека не может не отразиться на положении дел в обкоме и в партийной организации. Понадобится авторитетная поддержка ЦК ВКП(б).

Мне сейчас приходится трудно, так как вынужден по ряду вопросов иметь тайны от первого секретаря и очень настороженно относиться к людям, на которых он, к сожалению, вполне полагается. Факты говорят за то, что мы очень неудачно подбираем работников, и я не сомневаюсь, что нам их подсовывают, пользуясь, в частности, тем, что второй и третий секретари и зав. ОРПО обкома – новые люди».

Что из этого сообщения следовало? Во-первых, подтвердились слухи, что в Москве усилилось недовольство Евдокимовым. Выходит, и Двинский, а значит и Суслов, были осенью 1937 года направлены на Дон прежде всего с целью вникнуть в реальное положение дел в регионе и подготовить почву для смены Евдокимова. Второе. Двинский изначально не доверял Евдокимову и многие свои действия даже не считал нужным согласовывать с первым секретарём обкома. И третье. Ростову следовало ждать очень скоро новую кадровую революцию.

Так оно и случилось. Уже на следующий день после получения от Двинского сообщения, 3 мая 1938 года Политбюро постановило Евдокимова вызвать в Москву и дать ему новую должность –

заместителя наркома водного транспорта, что означало для него существенное понижение, а Двинский был рекомендован и утверждён и.о. первого секретаря Ростовского обкома.

Казалось бы, всё – основные проблемы региона наконец решились. Не случайно Москва сразу отозвала третьего секретаря обкома Дмитрия Крупина, которого уже ждало место управляющего делами ЦК ВКП(б). Но Двинский считал, что рано было успокаиваться. 16 мая 1938 года он доложил Сталину:

«Допускать неукомплектованность аппаратов нельзя. В Ростовской области, вследствие косности в этом отношении, дело до сих пор обстоит слабо. Проводим работу по выдвигению новых людей взамен обанкротившихся».

А уже 17 мая Политбюро утвердило новым вторым секретарём Ростовского обкома (взамен ставшего первым секретарём Двинского) Г. Громова, который до этого работал ответственным организатором в отделе Маленкова в Москве, а третьим (взамен вернувшегося в столицу Крупина) – М. Сулова.

Маленькая подробность. Вообще-то, проект постановления Политбюро по новым второму и третьему секретарям Ростовского обкома был подготовлен ещё 13 мая 1938 года. Его визирировали Г. Маленков и А. Жданов. А потом кто-то от руки вписал: «тов. Двинский согласен». Косвенно это указывает на то, что инициатива в части назначений исходила не от Двинского, а от Москвы, точнее – от Маленкова. Похоже, Маленков тоже хотел контролировать Дон, а заодно и Двинского, поэтому и протолкнул во вторые секретари обкома своего человека – Громова.

В новом качестве Сулов продолжил заниматься в регионе кадровой политикой. 8 июня 1938 года он на областной партийной конференции доложил:

«В 1937 году в Ростовской области было исключено из партии две с половиной тысячи коммунистов. В большинстве случаев, как это теперь совершенно ясно, эти исключения проводились неоправданно, по карьеристским соображениям, в целях перестраховки.

Бывшее руководство обкома оставило себе в наследство две тысячи неразобранных апелляций. Каждый день сотни людей «осаждали» обком партии. Работать было трудно, особенно

первые месяцы. Три четверти рабочего времени отнимали вопросы, связанные с разбором апелляций».

Плохо в регионе обстояли дела и с приёмом в партию. По сути, в 1937 году никакого партийного пополнения не было. Всё изменилось в конце 1937 года. За последние семь месяцев, сообщил Суслов, на Дону в партию приняли более трёх тысяч человек, в том числе почти тысячу из числа колхозников, служащих и интеллигенции.

Коснулись перемены и руководителей районного звена. С ноября 1937 года по июль 1938 года аппарат Суслова выдвинул на посты первых секретарей горкомов и райкомов 55 человек и 52 – на должности вторых секретарей.

Значило ли это, что Суслов, когда работал в Ростове, окончательно покончил на Дону с репрессиями и помог всем безвинно осуждённым? Нет. Он не был ангелом. Да и не всё было в его власти.

Суслов одной рукой кого-то миловал, а другой казнил. Историк Рой Медведев, изучивший подшивки ростовской областной газеты «Молот» за 1938 год, нашёл не одну и не две заметки об экзекуциях, которым Суслов необоснованно подвергал десятки жителей Дона. Сколько людей он выгнал из партии за сокрытие информации о происхождении родственников и за недоносительство. К примеру, Весельницкий прямо утверждал, что Суслов был причастен к продолжению репрессий на Ростсельмаше. Так что абсолютно чистеньким Суслов не был. Он тоже изрядно измазался в грязи.

Но, с другой стороны, немало людей Суслов и спас от незаконных репрессий. В архиве сохранилось письмо члена партии с 1920 года Ивана Сотникова. Осенью 1962 года он признался Суслову:

«Я и семья моя – помним и никогда не забудем, как Вы, будучи заведующим оргинструкторским отделом Ростовского обкома КПСС, в 1938 году, пресекли попытки Ленинского РО МВД арестовать меня как врага народа. Я работал тогда начальником политотдела совхоза «Донсвиновод»».

Кому-то же Суслов помог с продвижением. В частности, он был причастен к переводу в Москву на повышение Владимира Геращенко – отца будущего главного банкира страны.

Поясню. Владимир Геращенко, как и Суслов, оказался на Дону осенью 1937 года в общем-то случайно. Он был приглашён из Ленинграда на должность заместителя директора финансово-экономического института. Но почти сразу по прибытии в Ростов у директора института арестовали брата, и Геращенко тут же получил повышение. Потом его приняли в партию (перед этим он представил пять характеристик, две из них от людей с партстажем свыше десяти лет). А через год, осенью 1938 года он получил приглашение в Москву в Госбанк. Геращенко отказался.

«Только он вернулся домой, – рассказывал о своём отце В. Геращенко-младший, – вызывает его М. А. Суслов, тогда секретарь Ростовского обкома партии, и объясняет, какая важная задача была перед ним поставлена в Москве, и негоже от неё молодому коммунисту отказываться».

Геращенко-младший утверждал, что Суслов в беседе с отцом привёл и такой аргумент, что тоже готовил себя к другому, а партия распорядилась иначе.

«Я вот тоже, – привёл он слова Суслова, – учился в Московском институте народного хозяйства, в Экономическом институте красной профессуры, хотел преподавать, а видите, где я!»

Крыть Геращенко-старшему было нечем, и вскоре он перебрался в Москву, возглавив в Госбанке управление валютных операций.

Летом 1938 года началась кампания по выборам в Верховный Совет России. От Дона должны были пройти больше десяти кандидатов. Часть мест предназначалась местным кадрам. Тот же Суслов проходил не как заезжий москвич, а уже как ростовчанин. Он баллотировался по Мечётинскому избирательному округу.

Выступая перед своими избирателями, Суслов поклялся добить всех врагов.

«...вместе с вами, – пообещал он народу, – я буду ещё беспощаднее громить шпионов, диверсантов и вредителей, чтобы наш народ спокойно жил, свободно трудился и весело отдыхал» («Молот». 1938. 17 июня).

Но несколько полагавшихся Дону мандатов Центр распорядился отдать москвичам, в частности, наркому пищевой

промышленности СССР Анастасу Микояну и жене главы советского правительства – Полине Жемчужиной.

По неписаным правилам Микоян и Жемчужина накануне выборов приехали для встречи с избирателями на Дон. Суслову по должности вменили встречи, сопровождение и проводы московских гостей. Но он понимал, что одним протоколом было не обойтись.

В московских эмиссарах Суслов увидел важных контролёров, которым предстояло в том числе оценить эффективность работы первых лиц ростовской власти. Другими словами, от столичных гостей во многом зависело и его личное будущее.

Суслов очень беспокоился. Он вроде неплохо знал Жемчужину (когда-то они вместе учились на Пречистенском рабфаке). Но ему было неизвестно, какими инструкциями Москва снабдила его бывшую сокурсницу. И главное – сохранила ли Жемчужина благосклонность к Суслову? Ещё больше загадок таил Микоян. Тут ещё следовало учитывать, что Микоян в своё время руководил Северным Кавказом и прекрасно знал все особенности региона. Скрыть что-либо от него было сложно.

Но Суслов зря волновался. Жемчужиной было приятно спустя годы встретиться и пообщаться со своим сокурсником. Микоян тоже особых претензий к нему не имел.

Однако не унимался Двинский. Он считал, что на Дону ещё остались скрытые враги, которых следовало выявить и добить. 2 августа 1938 года он сообщил Сталину и Ежову, что появились вопросы к отозванному в Москву начальнику управления НКВД по Ростовской области Лупелину, появились показания на бывшего секретаря Ростовского горкома партии Алексея Васильева и компромат на председателя облисполкома Муравьёва. Москва в ответ прислала в Ростов нового чекиста – Гречухина. Но тут зашаталось кресло под Ежовым.

«В Ростове, – доложил Двинский 29 ноября 1938 года Сталину, – носятся слухи, что Евдокимов оказался врагом. Если это так, то по Ростовской области в отношении ряда людей надо будет сделать соответствующие выводы».

Двинский выразил сомнения, в частности, по поводу Муравьёва и нового главного чекиста области Гречухина. Оргвыводы последовали незамедлительно. 3 декабря Политбюро

отозвало в Центр Муравьёва, а 4 декабря Гречухина заменило на Абакумова, который в войну возглавлял СМЕРШ. Дальше Сталин решил укрепить комсомольский аппарат и вернул в столицу Громова (он стал одним из секретарей ЦК ВЛКСМ). И уже 20 декабря 1938 года Политбюро опросом утвердило Сулова вторым секретарём Ростовского обкома (РГАНИ, ф. 3, оп. 61, д. 545, л. 34). Правда, в новом качестве Сулов пробыл всего полтора месяца. Он вскоре возглавил соседний регион – Орджоникидзевский (Ставропольский) край.

Кому и зачем понадобилось перемещение Сулова с повышением в должности в Ворошиловск (нынешний Ставрополь)? Этого потребовало серьёзнейшее ухудшение дел в Орджоникидзевском крае.

Для начала напомню, что из себя представлял этот регион. Он включал в себя две – Карачаевскую и Черкесскую – автономные области, Кавказские Минеральные Воды, Кизлярский округ (отошедший потом к Дагестану), Моздокский район (он впоследствии перешёл к Северной Осетии), а также более сорока других районов. На территории края проживали русские, карачаевцы, черкесы, ногайцы, кумыки, чеченцы, представители других народов. Что касается экономики, то район преимущественно ориентировался на сельское хозяйство. Промышленные предприятия-гиганты в крае отсутствовали. Тысячи же мелких предприятий в угольной, лёгкой и лесной отраслях большой погоды не делали.

Однако последние два года Орджоникидзевский край сильно лихорадило. Сначала во враги народа попали первый секретарь крайкома партии Владимир Рябоконт и председатель крайисполкома И. Пивоваров. Им на смену пришли Константин Сергеев и Альфред Розит. Но очень скоро и они оказались неблагонадёжными. Хотя Сергеев так старался угодить Центру! Чтобы заслужить благосклонность Москвы, он исключил из партии четверть коммунистов края. Но вместо ордена его обвинили в расправе над кадрами. Не лучше оказался и Розит. Кстати, председатель КСК Антипов категорически возражал против назначения Розита председателем крайисполкома. Позже Москва прислала в край новых руководителей: бывшего ленинградского

чекиста Дмитрия Гончарова и Вениамина Кушнарева. Но и они оказались не на высоте. Первым слетел Кушнарев. Потом дошла очередь и до Гончарова.

10 февраля 1939 года ситуацию в крае рассмотрело Политбюро. Оно постановило:

«1) Заслушав отчётный доклад о работе Орджоникидзевского крайкома ВКП(б), ЦК ВКП(б) постановляет признать работу крайкома ВКП(б) неудовлетворительной.

2) Отметить, что крайком ВКП(б) плохо занимался воспитанием кадров, не оказывал должной помощи вновь выдвинутым работникам, допускал администрирование в своём руководстве. В результате этого в крае имели место многочисленные факты необоснованных исключений из партии, снятия с работы низовых и районных работников. Особенно недопустимо, что в течение 1938 года без всяких к тому оснований в крае было сменено до 50% всех председателей колхозов.

Обязать крайком партии решительно перестроить свою работу по воспитанию кадров и не допускать впредь администрирования и необоснованных исключений из партии и снятия с работы работников.

3) Признать, что крайком партии, несмотря на неоднократные предупреждения со стороны ЦК ВКП(б) и сигналы, поступавшие от коммунистов, не принял должных мер по разоблачению до конца провокационной работы врагов народа, пробравшихся в органы НКВД Орджоникидзевского края.

Предложить крайкому ВКП(б) исправить допущенные ошибки.

4) Обратить особое внимание крайкома партии на то, что он слабо руководит сельским хозяйством в крае, в результате чего край отстаёт с выполнением основных сельскохозяйственных работ – невыполнение плана по зяби и засыпке сортовых семян, неудовлетворительная обеспеченность поголовья скота кормами. В крае имели место многочисленные факты нарушения сельскохозяйственной артели.

Предложить крайкому партии усилить своё руководство сельским хозяйством и, опираясь на опыт передовых колхозов и колхозников, обеспечить подъём сельского хозяйства во всём

крае, своевременное выполнение всех сельскохозяйственных работ.

5) Учитывая, что т. Гончаров Д. Г. не справился с возложенными на него обязанностями, освободить т. Гончарова от работы первого секретаря Орджоникидзевского крайкома ВКП(б), отозвав его в распоряжение ЦК ВКП(б) для назначения на другую работу.

6) Утвердить первым секретарём Орджоникидзевского крайкома ВКП(б) т. Сулова М. А., освободив его от работы второго секретаря Ростовского обкома ВКП(б)».

В Ворошиловске (Ставрополе) Сулов поселился на улице Октябрьской Революции, 34. Там специально под первых руководителей края было перестроено здание костёла. К слову, в этом костёле проходили службы вплоть до начала 30-х годов. Но потом здание заколотили, и оно стало приходить в запустение. Предприимчивые хозяйственники успели часть надмогильных памятников использовать для укрепления фундаментов строившихся по соседству двух домов управления НКВД. А вот купол костёла долго оставался нетронутым. Но когда местное начальство задумалось, куда вселить предшественника Сулова – Гончарова, оно этот купол сбило и быстро все другие сохранившиеся конструкции здания привело в порядок. Получился по-своему уютный двухэтажный домик на несколько семей. В него и был вселён со своими домочадцами новых хозяин края Сулов.

С чего начал Сулов на новом месте? Следуя указаниям Центра, он первым делом осудил ежовщину и выступил за немедленный пересмотр прежних решений о репрессиях. В этом его сразу поддержал новый начальник управления НКВД Василий Панков (предыдущий – Ефим Кривец – перед назначением Сулова был арестован и вскоре расстрелян). Как заявил новый главный чекист края, большинство заведённых в крае дел о правотроцкистском подполье были сфальсифицированы.

На кого ещё, кроме Панкова, Сулов мог бы в Ворошиловске (Ставрополе) опереться? По логике в первую очередь на секретарей крайкома партии и руководителей крайисполкома. Но, как оказалось, практически всё начальство края не имело

серьёзного образования. Секретарь крайкома по пропаганде Иван Храмков лишь три года проучился в коммунистическом университете им. Свердлова, который никогда фундаментальных знаний не давал. Он сам в анкетах указывал, что образование у него низшее. Низшее образование имел и Михаил Золотухин, а ведь он рассматривался на должность второго секретаря крайкома. Плохо с образованием было также и у других секретарей крайкома, в частности, у Петра Устинова и Николая Величко. Однако и большого выбора у Суслова на тот момент не имелось.

Кстати, уцелевшие после чисток Сергеева и Гончарова руководящие кадры поначалу не верили, что массовые репрессии были ошибками и что следовало отказаться от частых арестов. На Суслова и Панкова посыпались жалобы. А партийная конференция Кагановического района Ворошиловска даже потребовала за увод от ответственности врагов народа снять всё бюро Орджоникидзевского крайкома во главе с Сусловым. Правда, соответствующие органы не в меру ретивых активистов из Кагановического райкома поправили.

Впрочем, уже в 1988 году возглавлявшаяся Александром Яковлевым Комиссия Политбюро ЦК КПСС выявила, что Суслов далеко не всегда вёл себя как голубь. Она обнаружила:

«Комиссия НКВД СССР в июле 1939 года докладывала Берии, что Суслов недоволен работой краевого управления НКВД, так как оно проявляет благодушие и беспечность. Суслов прямо называл лиц, арест которых необходим. В результате в 1939 и 1940 гг. в крае усилились репрессии».

Однако другие архивные документы свидетельствуют, что всё-таки при Суслове масштабы репрессий в Орджоникидзевском крае существенно снизились. Давайте вместе полистаем 30-страничный отчёт, который он 17 декабря 1939 года направил в Москву секретарям ЦК Иосифу Сталину, Андрею Андрееву и Георгию Маленкову.

Суслов доложил, что после принятия 10 февраля 1939 года постановления ЦК «О работе Орджоникидзевского крайкома ВКП(б)» в крае сократилось количество исключённых из партии. Если партбилеты были отобраны у 379 человек в 1938 году и у 142 человек в первом квартале 1939 года, то за второй

квартал 1939 года партбилета лишились 55 человек, а за третий квартал 1939 года – 78 человек. Отказались в крае и от порочной практики повсеместной смены председателей колхозов. Если в 1938 году были уволены половина руководителей сельских хозяйств, то с 15 февраля по 1 июля 1939 года только каждый десятый. Замедлилась также текучесть секретарей парткомов в крае.

Особо Суслов остановился на положении дел в краевом управлении НКВД. Он доложил, что была осуществлена партийная проверка 411 работников НКВД, причём каждый сотрудник вызывался на бюро крайкома, после чего 131 человек попали под освобождение, а им на смену парторганы прислали из числа партийного и советского актива 63 активиста.

«Бюро крайкома, – сообщил Суслов, – предложило УНКВД (не знаю, не влезли ли мы несколько в функции тов. Берия?) перенести центр тяжести работы с ликвидации последствий вредительства на оперативную работу по разоблачению врагов народа».

Суслов действительно много внимания уделял комплектованию местного управления НКВД незапятнанными участниками в репрессиях кадрами. Сошлюсь на рассказ ветерана спецслужб Владимира Морева. Летом 1939 года он работал комсоргом в Минводском паровозном бюро.

«Из Минвод в Ставрополь, – напомнил он спустя много лет Суслову, – Вы вызвали нас двоих: меня и секретаря ГК [горкома. – В. О.] тов. Заикина. Его направили работать начальником ОК [отдела кадров. – В. О.] в УНКВД, а меня ст. инспектором. Я не хотел идти, но Вы сказали – нужно идти и исправлять ошибки 1937 года. С тех пор я на оперативной работе в органах. Второй раз Вы пришли к нам на выпуск в ноябре того же года. Мы двое окончили оперативные курсы на отлично, и Вы поздравили нас, пожелали успехов в работе».

Москва была довольна и тем, что Суслов чуть ли не вдвое увеличил численность краевой парторганизации. Если до его появления на Ставрополье в крае было 14016 коммунистов (9827 членов партии и 4189 кандидатов), то к 1 марта 1940 года коммунистов стало уже 29091 человек: 17114 членов и 11977

кандидатов, при этом, повторю, прекратилось массовое исключение людей из рядов ВКП(б).

Впрочем, не все цифры радовали. Ну как можно было отнестись к тому, что в Орджоникидзевском крае тогда находилось свыше 40 тысяч спецпереселенцев, которых власть считала бывшими кулаками?!

С другой стороны, Сулов всего за год серьёзно оживил экономику региона. Об этом свидетельствовала сухая статистика. Если в 1938 году средняя урожайность зерновых на Ставрополье составляла 9,1 центнера с гектара, то в 1939 году – уже 10,8 центнера. В 1939 году край собрал зерновых на 12 миллионов пудов больше, чем годом ранее. Увеличились и сборы хлопка, картофеля и подсолнуха. Не случайно в марте 1940 года Сулов получил первый и самый высокий орден – орден Ленина. А тогда Кремль направо и налево наградами не разбрасывался.

Вообще, вопросы сельского хозяйства при Сулове рассматривались практически на каждом заседании бюро крайкома. Судите сами. 14 апреля 1940 года бюро утвердило мероприятия по ликвидации чесотки овец в крае, 25 апреля 1940 года оно обсудило уход за озимыми и яровыми культурами, через три дня заслушало вопрос о подготовке к сеноуборке колхозов и совхозов края, 4 мая – о работе звеньев в колхозах, 14 мая – об установлении норм зернопоставок и о мероприятиях по борьбе с клопами-черепашками, 23 мая – о плане тракторных работ МТС, 8 июня – об установлении порайонных норм поставок сена государства в 1940 году колхозными организациями...

Другое дело, что вообще-то всеми перечисленными вопросами по идее должны были заниматься не партийные, а советские органы власти, и даже не крайисполком, а отдел сельского хозяйства. Но Кремль так ещё в 20-е годы устроил систему, что главными рычагами управления обладали партийные органы. Всё, буквально всё тогда решала партия, а остальные лишь исполняли указания её эмиссаров.

К слову: 15 апреля 1940 года на недостатки в управлении селом в Орджоникидзевском крае указала главная газета страны – «Правда». Она напечатала зубастую статью «Ошибка

одной колхозной парторганизации», разругав невинномысских партийцев. Сулову потом пришлось выслушать немало нелицеприятных слов в Москве. Он вынужден был срочно по этому поводу собирать бюро крайкома.

Впрочем, это был единственный в довоенное время случай, когда Центр отчитал Сулова. Вообще-то, Москва секретарём Орджоникидзевого края была очень и очень довольна. Работавший с конца 30-х годов в аппарате ЦК Григорий Шумейко в своих мемуарах рассказывал, что его тогдашние коллеги приписывали Сулову роль советника самого Сталина по аграрным вопросам, а перед самой войной поползли слухи, будто Сулова собирались назначить новым наркомом земледелия.

Кроме сельского хозяйства, Сулов много занимался в Орджоникидзевском крае и промышленностью. Москва поставила перед ним несколько задач, в частности, в кратчайшие сроки построить железные дороги Ворошиловск (тогдашний Ставрополь) – Невинномысск и Благодатное – Будённовск и оказать помощь в сооружении железнодорожной ветки Кизляр – Астрахань, а также приступить в краевом центре к строительству завода электроосветительной аппаратуры.

Но главной перед войной целью для Сулова был Невинномысский канал, который один мог бы решить проблемы обеспечения водой сразу тридцати трёх районов края и соседних регионов. Постановление Политбюро о его строительстве было принято 8 февраля 1940 года. Краевые власти надеялись открыть канал досрочно – осенью 1941 года.

Уже в мае 1978 года Сулов, оказавшись в Ставрополе, рассказывал:

«Мне живо вспоминаются те полные трудового пафоса и всенародного энтузиазма боевые дни. В апреле 1940 года на строительство канала вышли 34 тысячи колхозников края, 10 тысяч колхозников Ростовской области и 2 тысячи – из Калмыцкой АССР, чтобы проложить рукотворную реку, соединить Кубань с Егорлыком и напоить живительной влагой бескрайние сухие степи. Это была поистине всенародная битва за воду. А чем были вооружены энтузиасты стройки? Только кирками, лопатами и всего лишь пятью экскаваторами. Всё население

края принимало самое активное участие в строительстве канала.

Победа, одержанная на народной стройке Невинномысского канала, была победой освобождённого от эксплуатации коллективного социалистического труда. Таким трудом мы гордились тогда, вправе гордиться и в настоящее время».

5 апреля 1940 года Политбюро утвердило новый состав бюро Орджоникидзевского крайкома партии. В это бюро вошли девять человек: первый секретарь М. А. Суслов, секретари М. И. Золотухин (второй секретарь), А. Г. Данилюк (третий секретарь), П. Т. Устинов (секретарь по кадрам), И. П. Храмков (секретарь по пропаганде), председатель крайисполкома В. А. Шадрин, редактор газеты «Орджоникидзевская правда» В. В. Воронцов, начальник краевого управления НКВД В. М. Панков и заместитель председателя крайисполкома А. И. Баранов. Позже, правда, этот состав не раз корректировался.

Теперь о другом. Чувствовали ли в Орджоникидзевском крайкоме приближение войны? Если верить сохранившимся протоколам заседаний бюро, то не очень.

Вот повестка дня бюро за 19 июня 1941 года. На обсуждение были вынесены шесть вопросов:

«1. О плане уборки колосовых (вместе с просом), подсолнечника, масличных культур и семенников трав урожая 1941 года по колхозам края.

2. О выполнении Воронцово-Александровским РК ВКП(б) решений бюро Крайкома ВКП(б) о политпросвете.

3. Итоги размещения займа третьей пятилетки (выпуск 4-го года).

4. О санитарно-эпидемических кадрах в крае.

5. О ходе комплектования животноводческих ферм маточным поголовьем в колхозах Либкнехтовского и Петровского районов.

6. О строительстве животноводческих построек в колхозах края» (РГАСПИ, ф. 17. оп. 22, д. 2012, л. 2).

Председательствовал на том бюро второй секретарь крайкома Михаил Золотухин. А через несколько дней началась война.